

21.9.2000.

Пастернак Борис

«БЕЗЗАКОННАЯ КОМЕТА» СНОВА ВНЕ ЗАКОНА

О решении суда «над архивом» Ольги Ивинской рассказывает ее дочь Ирина Емельянова

28 августа Савеловский межмуниципальный суд г.Москвы рассмотрел иск Н.А. и Е.Л.Пастернак (вдовы и дочери Леонида Борисовича Пастернака) о передаче им по праву наследства «материалов творческого наследия Бориса Пастернака», хранящихся в РГАЛИ в составе архива Ольги Ивинской, конфискованного в 1960 г. при ее аресте. Судья Наталья Чаплина вынесла решение удовлетворить иск. Известно, что по искам О.В.Ивинской к РГАЛИ Мосгорсуд в 1991 г. и Верховный суд, пересмотревший дело по протесту РГАЛИ в 1993-м, — оба приняли решения в ее пользу: архив должен был быть возвращен Ивинской (она еще была жива).

— И «Русскую мысль», и меня лично трудно назвать беспристрастной стороной: газета неоднократно писала о вашем деле, а мы с тобой вообще старые друзья. Но вот вполне незаинтересованная сторона, газета «Известия», пишет, сообщая о решении суда: «Вся эта очевидная на первый (и на второй взгляд) история...» Что же такого нашел Савеловский суд «на третий взгляд»?

— Думаю, что это был сговор между дирекцией РГАЛИ, Н.А.Пастернак и судом. На суде присутствовали в официальном качестве «третьих лиц» (не знаю, что это значит) Н.Б.Волкова, с давних-давних лет, чуть ли не с конца 40-х, директор ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ) — кстати, во многом созданного на основе конфискованных архивов, и Еремченко из ГАРФа, который года два назад был председателем оценочной комиссии по архиву с рукописями Пастернака, конфискованному при аресте моей матери в 1960 г. и затем переданному из КГБ в ЦГАЛИ. Судья Наталья Чаплина читала решение по готовому напечатанному тексту. У нас с братом возникло твердое ощущение, что все было решено заранее, — как сказал мой брат, «уже написан "Вертер"».

— В чем состоял иск?

— Этот иск был подан шесть лет назад, видимо, по наущению РГАЛИ. Форма иска — не о возвращении собственности, а о «наследственном праве». В принципе суд не должен был даже принимать это дело к рассмотрению, так как речь идет о собственности моей матери, отнятой у нее. На ее архиве в РГАЛИ прямо написано в качестве входящих данных: «Переда-

но из КГБ» — это видел покойный Владимир Борисов, когда работал над первым российским изданием «Доктора Живаго» вместе со старшим сыном Пастернака Евгением Борисовичем.

Мы обе были реабилитированы в 1988 г., была возвращена какая-то условная сумма за конфискованные вещи, а про архив нам сказали: «А это уже находится в ЦГАЛИ — обратитесь туда». Добровольно они ничего не вернули, но два суда, Мосгорсуд и Верховный, постановили вернуть моей матери ее архив. Занятно, что после решения Мосгорсуда ей позвонили из РГАЛИ и спросили: «А вы не хотите подарить нам архив?» — то есть сомнений в том, что это наша собственность, и у них не было. Впрочем, и раньше не было. Увидев, что пьеса «Слепая красавица» напечатана по неисправной копии, мама обратилась в КГБ, это было в 1969 г., и после долгих переговоров ее направили в ЦГАЛИ. Замдиректора ЦГАЛИ В.Черных автограф маме только показал, но выдал ей ксерокопию с него и справку за своей подписью: «Выдана настоящая в том, что подлинная авторская рукопись "Слепая красавица", принадлежащая О.В.Ивинской, находится на хранении в Центральном Государственном архиве литературы и искусства СССР». Принадлежащая!

Во время следствия следователь предложил маме подписать бумагу, что она передает рукописи в ЦГАЛИ «на временное хранение». Можно ли считать эту передачу добровольной (и вдобавок не временной, а окончательной)? Всегда можно было ожидать, что конфискованные рукописи просто сожгут, как было во время маминого первого ареста. Тогда был составлен «Акт о сожжении», где говорилось: «С 1-го по 21-е наименование, как не имеющие отношения к делу, уничтожить путем сожжения», — и прибавлено: «Сожжение произведено». Среди сожженных были, например, машинопись «Поэмы без героя» с дарственной надписью Ахматовой, «стихотворения разные на 460 листах» и т.д.

— Хотелось бы знать, как отнесся к иску своей племянницы и ее матери Евгений Борисович Пастернак.

— Это большой вопрос. Я считала бы справедливым, чтобы он встал на нашу сторону: он как никто другой знал, кем была Ольга Ивинская в жизни его отца, за что она в два срока отсидела восемь лет...

— Да и ты — свои два года...

— Это была расправа не столько с нами, сколько с его покойным от-

но тревожило, что хотя твой брат живет в Москве, но ты живешь во Франции и архив может «йти за границу». Каковы были ваши планы насчет архива?

— Мы уже несколько лет ведем переговоры с российским министерством культуры, и 3 июля нынешнего года мы с братом — после обращения к президенту Путину — получили письмо от замминистра культуры Н.Л.Деметьевой о готовности рассмотреть

наши предложения «о приобретении... французской части архива О.В.Ивинской для государственной части Музейного фонда Российской Федерации». — А это письмо фигурировало на суде? Ведь оно могло стать доводом в пользу того, что весь архив, включая его «французскую часть», останется в России. И тогда желание Евгения Борисовича исполнилось бы.

— Брат передал это письмо судье, но она его даже не огласила и никак не учла в своем решении. Вообще уровень судопроизводства оставлял желать лучшего. Например, к делу была приобщена «характеристика на О.В.Ивинскую», взятая из книги З.Н.Нейгауз, жены Пастернака.

— Можешь ты сказать несколько слов о собственном истце?

— Наталья Анисимовна Пастернак, вдова младшего сына поэта, Бориса Пастернака никогда в жизни не видела — она вышла замуж за Ленью через несколько лет после смерти Бориса Леонидовича. Но везде — теперь и в телевизионных передачах (в одной — прямо в обнимку с новым памятником поэту) — она фигурирует

Ольга Ивинская (в центре) у гроба Бориса Пастернака.

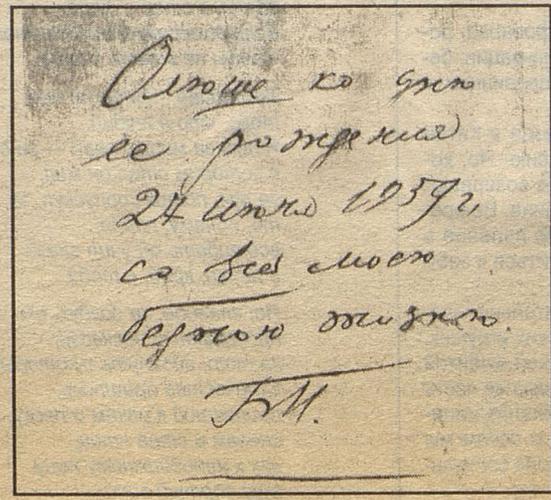
как главный свидетель событий, очевидцем которых не была и быть не могла. Однако суд принимает ее свидетельства за чистую монету, может быть, потому что она носит фамилию Пастернак. Как и Зинаида Николаевна, она законная жена, а моя мать — «беззаконная комета среди расчисленных светил». Но такими кометами и живет поэзия...

Что касается Елены Леонидовны, она внучка поэта и действительно его наследница, но еще раз подчеркну, что дело о «наследстве» неправомерно: архив — собственность О.Ивинской, а ее наследники — мы с братом. Я Елену Леонидовну никогда не видела, ничего о ней не знаю, знаю только, что она дала доверенность матери на ведение дела и сама в суде не появлялась.

— У меня складывается впечатление, что ты смотришь на дело довольно безнадежно.

— Да, брат собирается подавать апелляцию, а я не верю, что в современной обстановке решение будет справедливым. Однако апелляция нужна, чтобы затем мы могли подать в Европейский суд. Главное, чтобы это дело, на которое мы потратили уже почти десять лет, оставалось достоянием гласности.

Беседовала
НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ
Париж

Дарственная надпись Пастернака Ивинской на одной из рукописей.